

В начале 1820-х гг. были реформированы все университеты страны. В наибольшей степени перестройка коснулась Казанского университета, который был призван послужить примером и образцом для прочих; на него они должны были равняться. Часть профессуры, которую сочли недостаточно благонадежной, была уволена, книги из университетской библиотеки, не соответствовавшие ужесточившимся идейным требованиям, уничтожены. В университете был установлен порядок, напоминающий монастырский. Непременной принадлежностью каждого студента стала «Библия». В университетский обиход прочно вошел религиозный ритуал (молитвы, покаяния, исповеди, причастия). Университетский интерьер обогатился распятиями и картинами страшного суда. В преподавании мировоззренческих дисциплин предписывалось руководствоваться книгами «Ветхого» и «Нового» заветов. Насаждавшееся подобным способом «благочестие», по словам одного из историков Казанского университета, превращалось «в фанатическое изуверство»¹.

Значительные интеллектуальные издержки понес Петербургский университет. Здесь также по идеологическим мотивам в среде педагогов были произведены сокращения, урезан библиотечный фонд. В истории русских университетов катаклизм, пережитый им, рассматривается как «разгром»². К тому же на его судьбах сказывалось и то, что находился он в одном городе с императорским дворцом, министерством, III-м отделением.

В тех или иных масштабах подобные перетряски пережили и другие университеты страны. Усиливался и политический надзор за их деятельностью. М.Л.Магницкий и Д.П.Рунич являются попечителя-

ми учебных округов, первый из них — Казанского (с 1819), второй — Петербургского (с 1821 г.). В 1825 г. попечителем Московского учебного округа становится генерал-майор А.А.Писарев. Современники сравнивали его с Грибоедовским Скалозубом³. Он столь же откровенно отрицал науку и просвещение, так же ни во что ставил ученых.

Впечатляющие оценки совершавшегося в сфере общественного сознания оставил в своем дневнике А.В.Никитенко, преподававший в Петербургском университете в 1832—1864 гг. 15 апреля 1834 г. он отмечает: «...мы вдруг увидели себя в глубине души как бы запертыми со всех сторон, отторженными от той почвы, где духовные силы развиваются и совершенствуются»⁴. А вот его запись, сделанная 2 декабря 1848 г.: «Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему»⁵.

В октябре 1855 г. Никитенко следующим образом подводил итоги незадолго до того завершившегося царствования: «Теперь только открывается как ужасны были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребления и воровство выросли до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой варварской веры в одну материальную силу»⁶.

Не принимались во внимание ни научная значимость преподавателя, ни его популярность в общественном мнении. Вот что пришлось услышать Т.Н.Грановскому, знаменитому историку и профессору Московского университета, от тогдашнего попечителя Московского учебного округа С.Г.Строганова в один из январских дней 1844 г.: «Он сказал мне, что при таких убеждениях я не могу оставаться в университете,

что им нужно православных и т.д. Я возразил, что я не трогаю существующего порядка вещей, а до моих личных верований ему нет дела. Он отвечал, что отрицательное отношение недостаточно, что им нужна любовь к существующему; короче, он требовал от меня апологий и оправданий в виде лекций... Он заключил словами: “Есть блага выше науки, их надобно сберечь, даже если бы для этого нужно было закрыть университеты и все училища”»⁷.

Обретают силу принципы и установки, сужающие и ограничивающие возможности науки. Она ориентирована на сугубый эмпиризм. В методологическом аспекте за ней оставляется лишь фактология, описание и систематизация. Теория с ее далеко идущими обобщениями, тем более мировоззренческая функция, изымаются у науки, оказываются вне ее. Наука вправе обслуживать материальные потребности общества, духовное же руководство им — не ее компетенция.

Перед научно-преподавательским составом повседневно вставали нравственные и житейские проблемы. «Тех, кто не имел склонности с энтузиазмом проводить правительственную линию, жертвовать наукой ради карьеры, могло спасти только одно: изгнание из своих лекций всякой обобщающей мысли, идеи; отказ от научно и общественно значимой проблематики, от передовых теорий и приемов научной критики; уход в частности»⁸.

Определяется и положение философии, по самой своей природе наиболее теоретичной из всех наук. В радикально консервативных кругах необходимость и нужность ее ставятся под сомнение. Зачем философия, если то, что могла бы она сообщить полезного, давно уже стало общим достоянием и достаточно хо-

рошо известно из речений Спасителя, пророков, апостолов? Решение общих, мировоззренческих вопросов – прерогатива не философии, а религии, теологии, церкви.

Настораживали и события недавнего прошлого, потрясшие Францию, а вместе с ней и остальной мир. Они свидетельствовали, в частности, о том, во что на практике могут воплощаться некоторые философские рассуждения. Идеи Фернейского патриарха явились предпосылкой последующей дехристианизации, а учение сентиментального чудака стало вдохновляющим стимулом для ликвидации в 90-х гг. XVIII столетия целых социальных групп – королевского дома, дворянства, духовенства...

Д.П.Рунич, один из основоположников, столпов и главных идеологов нового курса, противопоставлял «распутной философии» Дух Святой, Христа и его «девственную невесту» – Христову церковь. Теперь и такие, характерные для философии признаки, как абстрактность, отвлеченность, даже не чуждая ей по временам непонятность, уже не служат для нее охранными грамотами.

Начавшимся репрессиям подверглись как отдельные представители философии, так и сама она как особая, целостная система взглядов.

Одной из первых жертв подавления философии стал А.И.Галич, профессор Петербургского университета, автор «Истории философских систем, по иностранным источникам составленной», которая была издана в 2-х книгах в 1818–1819 гг. В результате ревизии университета, начатой в ноябре 1821 г., произведение Галича было сочтено «тлетворным ядом». Автор был обвинен в том, что представленные им философ-

ские системы объективно излагаются, но не разоблачаются и не опровергаются. Он обличался «в безбожии, измене государю и отечеству»⁹.

От преподавания философии Галич был отстранен, а затем уволен из университета. Он стал архивариусом в провиантском департаменте. «Вот куда я попал, — говорил он в приятельском кругу, — в общество мышей и крыс, с которыми должен вести войну ради обеспечения казенных бумаг. Но это, я думаю, будет легче, нежели вести войну с гонителями наук и просвещения»¹⁰.

В Москве злоключения философии имели свою историю. С 1821 г., после смерти профессора А.М.Брянцева, кафедра философии в Московском университете оставалась вакантной. Дважды избиравшийся в профессора философии Советом университета И.И.Давыдов не утверждался в должности министерством. В 1826 г. он получил, наконец, разрешение читать лекции по философии, но первая же из них оказалась для него роковой. Из-за нее, а также из-за книги «Начальные основания логики», которая произвела плохое впечатление на М.Л.Магницкого, Давыдов имел неприятности, хотя и не столь катастрофические, что выпали на долю Галича.

Впоследствии Давыдов, делая карьеру, преуспел: стал академиком и директором Главного педагогического института в Петербурге. Но ему пришлось пережить при этом духовную трансформацию. Современники стали отмечать его научную уклончивость и нравственную податливость, считая, что «он сделался таким после несчастной истории, когда ему запретили читать философию в Москве и начали смотреть на него как на врага веры, престола и т.д.»¹¹.

А.Шопенгауэр, бывший вообще невысокого мнения об официальной философии, писал: «...и академии и кафедры философии в сущности только вывески, обманчивый призрак мудрости, которая сама здесь и не ночевала, а находится где-нибудь далеко отсюда»¹². В России в системе Академии наук некоторые из подразделений научного знания, в том числе — философия, представлены не были и разрабатывались исключительно в университетах. Что касается университетских кафедр философии, то дело доходило здесь и до снятия вывесок — поскольку обозначать ими было нечего.

С 1821 по 1845 г. курс философии в Московском университете не читался. В 1845 г. была сделана попытка возродить здесь университетскую философию, но и она не оказалась удачной. Курс читался М.Н.Катковым, университетским адъюнктом. Катков, как лектор, проявлял педагогическое усердие и тщательно готовился к чтениям, но его выступления перед аудиторией были сложны по форме и тяжелы для восприятия. «Я ничего подобного в университете не слышал, — пишет по этому поводу Б.Н.Чичерин. — Мне доводилось слушать курсы пошлые, глупые, пустые; но курса, в котором никто ничего не понимал, я другого не слышал»¹³. Естественно, что Катков-преподаватель не имел никакого успеха. Преподавание вообще не являлось его призванием. Его подлинное дарование обнаружилось впоследствии, когда он выступил как издатель и публицист.

В 1850 г. лекции Каткова были прекращены. Впрочем, не по его вине и не из-за претензий к нему. Николаевский режим посчитал, что в Европе в 1848 и 1849 гг., философские абстракции вновь, как это было уже на исходе XVIII столетия, обернулись революционными делами. Власти приняли решение упразднить филосо-

фию в России. Преподавание ее в университетах запрещалось. Исключение делалось для логики и психологии, но к преподаванию этих дисциплин допускались лишь профессора богословия, и велось это преподавание по программам, одобренным духовным ведомством. Лекции эти в Московском университете стал читать П.М.Терновский, по воспоминаниям, оставленным одним из слушателей, «грубый, самолюбивый и вполне проникнутый семинарским духом поп»; лекции его и по богословию «были из рук вон плохи»; «теперь (1855) он читает философию!»¹⁴.

Официальное признание философии состоялось вновь только после того как Николаевский режим прекратил свое существование.

Некоторые профессора Московского университета пытались знакомить студентов с начатками философии на своих курсах, не являвшихся философскими. М.Г.Павлов делал это, повествуя о физике, минералогии и сельском хозяйстве, Н.И.Надеждин — о русской словесности, К.Ф.Рулье — о зоологии, П.Г.Редкин и Н.И.Крылов — о юриспруденции... В «Былом и думах» А.И.Герцен особо выделял по степени их философичности лекции Павлова, но констатировал при этом, что дальше вводных и общих понятий о философии лектор не шел.

Я.П.Полонский, впоследствии известный поэт, учившийся в Московском университете в 1838—1844 гг., вспоминал, что «философия была запретным плодом и преследовалась, как нечто вредное и совершенно лишнее для нашего общества»¹⁵.

Философия изучалась в духовных учебных заведениях, но в специфическом ракурсе и в сочетании с теологией.

Философия на Руси явилась одним из следствий введения здесь христианства и долгое время существовала в основном в недрах христианской теологии, образуя с ней синтез, конгломерат. И после того как в XVIII в. появилась русская философия, независимая от теологии, данный идейный комплекс сохранился. Он по-прежнему являлся достоянием церкви. Но творческий дух в нем был уже утрачен, а если и проявлялся у отдельных его представителей, встречал противодействие. Г.Г.Шпет оценивал духовно-академическую философию XIX в. как запуганную светской и духовной властью, «робкую и прислужливую», считал, что ее труды «безжизненны, вялы, бессмысленны», находил ее преподавание в духовных академиях «жалким»¹⁶.

Этому-то идейному образованию и пытались «сверху» придать универсальный характер в 1850 г., отвергнув начисто светскую философию.

Притеснение философии, приобретшее агрессивную форму, произвело, однако, ответную реакцию. Философия проявила жизнестойкость и вновь доказала универсальность открытого М.В.Ломоносовым закона: если где-то что-то отнимется, в другом месте — прибавится. В 1821 г. начался разгром университетской философии, а в 1823 г. образовался первый из литературно-философских кружков, кружок Д.В.Веневитинова — В.Ф.Одоевского.

Философское сообщество, сначала по своему составу юное, затем все более взрослевшее, сплотилось именно в кружках. Сообщество это не отличалось многочисленностью, и это позволяло ему создать сферу непосредственного общения и взаимной информации.

Ныне в РФ философов меньше, чем было в СССР (часть из них оказалась в новых странах); все же исчисляются они тысячами. В одном лишь Институте философии их около 300. В 20–50-х гг. XIX в., периоде, о котором идет речь, философией были заняты единицы, причастны к ней — немногие десятки. Складывающиеся формы деятельности находились в соответствии с этой мерой.

Главным видом философии становится устная; она традиционна для русского общественного сознания и типична для него. Широко практиковалось устное изложение взглядов в средние века. Русские средневековые религиозные мыслители, в той или иной степени причастные к философии, предстают в окружении своей братии не только как учителя, но также как «собеседники» и «совопросники»; дебатировались проблемы жизни духовной и «пользы душевной»; разрабатывается теория «духовного пути», которого следует держаться. На этих беседах можно увидеть не только лиц духовного звания, но и мирян. Для того, чтобы охарактеризовать подобные собрания интеллектуалов, иногда используются категории «кружок» и «семинар»¹⁷. Случается, что свободная, по тогдашним меркам, мысль сталкивается «с обскурантизмом невежественной, хотя и облеченной саном толпы»¹⁸.

Средневековые традиции устной мысли были продолжены в новое время и при иной обстановке.

Прения в кружках, посвященные философским вопросам, если бы они были застенографированы, составили бы сотни и тысячи томов. Кружки могли собираться по нескольку раз в неделю; заседания затягивались надолго; начавшись вечером, они нередко заканчивались под утро; наилучшие ораторы занимали аудиторию часами.

Но бывало и так, что не все члены того или иного кружка каждый отрезок времени проживали в одном и том же месте; иногда кружок трансформировался в свою разновидность — круг общения. Устное творчество дополнялось эпистолярным. Изложение мнений, концептуальных установок давалось в письмах. Не являлось исключением, что письмо разрасталось в целый трактат. Адресованное одному из членов кружка, письмо, содержащее философские мнения, немедленно становилось достоянием остальных; оно читалось и перечитывалось.

О значительности переписки в общем составе авторского наследия свидетельствует, к примеру, такой факт. В последнем по времени издания 30-томном собрании сочинений А.И.Герцена десять томов содержат Герценовские письма. Немалое число из них имеет философское содержание.

Допуская долю преувеличения, К.Д.Кавелин, однако, мог утверждать, что Н.В.Станкевич «ничего после себя не оставил, кроме писем»¹⁹. Письма участников литературно-философских кружков, благодаря их научной значимости, выходили отдельными изданиями: Переписка Н.В.Станкевича (М., 1914), Т.Н.Грановский и его переписка (М., 1897), Белинский В.Г. Избранные письма в двух томах (М., 1955)...

Еще одна особенность в деятельности кружков — значительный рукописный фонд. Некоторые доклады, имевшие программный характер, были написаны и лишь затем изложены. С них делались копии, расширявшие круг читателей. В рукописном виде функционировали и те работы, которые не были по различным причинам опубликованы. Какие-то из них, учитывая российские условия, изначально для печати не предназначались.